

Гончаров Павел Петрович, Гончаров Петр Андреевич

"ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПОЭЗИИ": ЛИРО-ЭПИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ "ЦАРЬ-РЫБЫ" В. АСТАФЬЕВА (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАВЫ-РАССКАЗА "КАПЛЯ")

В статье характеризуется жанровая специфика главы-рассказа "Капля", а через неё уточняются особенности архитектоники и жанра всей "Царь-рыбы" В. Астафьева. В главе-рассказе выделяются публицистические, идиллические, лиро-эпические компоненты, оценивается их взаимодействие и синтез, определяется роль стихотворных вкраплений, используются и вводятся в научный оборот новые критические и биографические материалы. Утверждается и доказывается мысль о синтетической природе жанра "Капли" и в всего "повествования в рассказах".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 57-60. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

5. Ковтун Н. В. Игра как способ миропостижения в повести Людмилы Улицкой «Веселые похороны» // Русская литература. 2013. № 1. С. 210-217.
6. Леонов Б. А. Героика труда в русской советской литературе: книга для учителя. М.: Просвещение, 1984. 159 с.
7. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003. 1600 стб.
8. Литовская М. А. Социхудожественный феномен В. П. Катаева: автореф. дисс. ... д. филол. н. Екатеринбург, 2000. 50 с.
9. Твардовский А. За далью – даль [Электронный ресурс]. URL: <http://er3ed.qrz.ru/tvardovsky-dal.htm#glawa1> (дата обращения: 05.02.2014).

“THAWING SNOW” BY V. ASTAF'EV AND STEREOTYPES OF “INDUSTRIAL NOVEL”

Goncharov Pavel Petrovich, Ph. D. in Philology
Michurinsk State Agrarian University
goncharovpa@yandex.ru

The article reveals the connection of V. Astaf'ev's early prose with “industrial literature”. The first Astaf'ev's novel is interpreted as based on industrial conflict, imitative to a large extent, but indicating “industrial literature” canons mastering by the unexperienced writer. Special attention is paid to the genre features of the industrial novel, its hero's specificity, conflict, events, and connections with the predominant ideology of the 1950s. The author states that the experience of this novel will manifest itself in the writer's mature prose in regarding the subject “man of labour”, the desolate wandering hero.

Key words and phrases: “industrial novel”; prose; genre canon; stereotype; post-modernism; evolution of genre.

УДК 821.161.1.09

Филологические науки

В статье характеризуется жанровая специфика главы-рассказа «Капля», а через неё уточняются особенности архитектоники и жанра всей «Царь-рыбы» В. Астафьева. В главе-рассказе выделяются публицистические, идиллические, лиро-эпические компоненты, оценивается их взаимодействие и синтез, определяется роль стихотворных вкраплений, используются и вводятся в научный оборот новые критические и биографические материалы. Утверждается и доказывается мысль о синтетической природе жанра «Капли» и всего «повествования в рассказах».

Ключевые слова и фразы: В. П. Астафьев; «Царь-рыба»; лирический рассказ; публицистика; идиллия; «затесь»; синтез жанровых форм; «Капля»; композиция; архитектоника.

Гончаров Павел Петрович, к. филол. н.

Гончаров Петр Андреевич, д. филол. н., профессор

Мичуринский государственный аграрный университет
goncharovpa@yandex.ru

«ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПОЭЗИИ»: ЛИРО-ЭПИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ «ЦАРЬ-РЫБЫ» В. АСТАФЬЕВА (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАВЫ-РАССКАЗА «КАПЛЯ»)[©]

Жанровая специфика как всего повествования в рассказах «Царь-рыба», так и составляющих его глав-рассказов уже в самых различных аспектах рассматривалась в современном литературоведении [2; 3]. Глава «Капля» предварена своеобразной «вставкой», объясняющей последовательность глав-рассказов «Царь-рыбы»: «Однажды мы всей семьей собрались и поехали в гости к братану» [1, т. 6, с. 40]. Вероятно, такая «вставка»-связка является отражением попытки автора связать внешне разрозненные главы-рассказы в единое целое. Астафьев в интервью 1982 года так характеризовал «Царь-рыбу»: «Она плохо организована, нет целостности. Почему? Замысла единого не было. Поначалу я просто пытался написать три-четыре очерка. Ничего из этого не получилось. Во время третьего захода на рукопись вдруг оживилась работа, написал «Каплю», и тут почувствовал интерес к рукописи... Тональность книги была найдена» [7, с. 128]. Интересно, что в этом же интервью со ссылкой на М. С. Корякину писатель отмечает: «Правда, Марья, моя жена, всегда защищала «Царь-рыбу». Она её любит и говорит мне, что, мол, я сам не понимаю, что написал» [Там же, с. 127]. Позднее и сам писатель неоднократно подчеркивал роль интуиции, подсознания в творчестве писателя, в том числе и собственном.

Итак, до появления главы «Капля» Астафьев «не видел» всего произведения. В интервью ленинградскому радио в январе 1977 года писатель почти аналогично рисует рождение «Царь-рыбы»: «Сначала хотел просто несколько очерков написать. Но эта работа оказалась ни в тон, ни в лад... Пошел от «Затесей»... и написал главу «Капля» <...> три с половиной года подряд напряженно сидел над «Царь-рыбой»» [Там же, с. 26]. Здесь обращает на себя внимание декларируемая писателем связь повествования с «Затесями».

[©] Гончаров П. П., Гончаров П. А., 2014

Вероятно, именно здесь, в «Капле», Астафьеву удалось соединить «автодокументальное» (основанное на достоверных, подобных документу авторских воспоминаниях) повествование об очередном посещении родной Сибири с лирическими и публицистическими размышлениями автобиографического героя – этот принцип стал основой и главы, и всего произведения. Публицистический компонент «Капли» реализуется и в стремлении к документальной точности описаний Енисея, Опарихи, Сурнихи, приенисейской тайги, и в «репортажности» этих фрагментов: «И вот мы катим по Енисею к незнакомой речке Опарихе» [1, т. 6, с. 42]. М. Н. Ким в связи с этим свойством публицистики отмечает: «Я действующее наиболее соответствует одному из методов публицистики – *репортажности*», по его мысли, благодаря репортажности «достигается эффект эмоциональной причастности читателя к происходящему» [5, с. 266]. То, что в приведенном фрагменте «я действующее» заменено на «мы», вряд ли имеет принципиальное значение. Вместе с тем преувеличивать функцию публицистических элементов в «Капле» (как и в ряде других глав) вряд ли уместно, поскольку глава лишена конкретных примет времени. Его можно определить 1960 – началом 1970-х гг. лишь по косвенным деталям, а «отсутствие каких-либо примет современности», как принято считать, может служить и приметой удаленности произведения от «публицистических текстов» [6, с. 193].

Жанровая принадлежность главы-рассказа «Капля» может быть уточнена по нескольким параметрам. По активности автобиографического персонажа эта глава превосходит первую, вокруг него выстраивается ее фабула. «Капле», как и всему повествованию в целом, свойственно то, что автор-повествователь открывает читателю свои замыслы, динамику своих чувств и размышлений. Размышления «Капли» автор-повествователь преподносит в качестве осуществившейся лишь частично попытки «воссоединить вместе эту девственную, необъятную тишину и клокочущий где-то мир, самим же человеком придуманный, построенный и зажавший его в городские щели» [1, т. 6, с. 60]. «Капля» – это «лирическое путешествие» в нетронутую тайгу, поскольку основной объем её текста составляют отражающие настроение автора сибирские пейзажи, описания впечатлений автора-повествователя и размышления его в связи с величественностью и чистотой тайги. А. И. Павловский, характеризуя лирическую прозу 1950-1960-х гг., так писал о специфике композиции «лирического рассказа»: «В основе такого типа рассказа лежит, как правило, открыто личное, субъективное эмоциональное мироощущение художника, неизбежно включающее в себя оценочный момент... открытость авторской позиции и откровенность голоса» [8, с. 593].

Тайга в главе «Капля» предстает в виде образа, олицетворяющего всю природу, поэтому она «тайга-мама» [1, т. 6, с. 53]. В ней заключено материнское, женское начало, как и в «по-женски-присмирелой, притаенно говорливой речке» [Там же, с. 54]. Продолжением этого женски-материнского начала в природе воспринимаются и «маралуха с теленком», доверчиво пасущиеся неподалеку от рыбаков. Заметим здесь, что образ «маралухи с теленком» восходит к раннему творчеству, к созвучному с «Царь-рыбой» по пафосу и сибирской «фактуре» «Стародубу». Но «Царь-рыба» традиционную, патриархальную (отвергнутую «Стародубом») Сибирь изображает в качестве своеобразного исчезнувшего «золотого века», настоящее Сибири – время «браконьеров», а потому будущего нет или оно мыслится как время торжества неправды.

Гармония людей, живущих «в обнимку с природой», окружающей их, – этот идиллический элемент в значительной степени определяет жанровую специфику «Капли», а через подобные элементы в других главах-рассказах «Царь-рыбы» («Гуруханская лилия», «Уха на Боганиде», «Сон о белых горах») и жанровую основу всего «повествования». Другая часть персонажей («туристы», «браконьеры», «покорители», «рвачи», «сброд», беглые уголовники и их конвоиры, «хозяева» «города солнца») оказывается в конфликте и с природой, и с персонажами, представляющими собой тип естественного человека. Среди «основных признаков» идиллии традиционно фигурирует «описание мирных бытовых картин и пейзажей, безмятежной жизни земледельцев, пастухов и рыбаков с их простыми наивными характерами» [4, с. 116]. Идиллические детали, люди как чистые дети природы («тайга-мама») – предмет размышлений и наблюдений «Капли». Автору-повествователю чудится «журчание берестяного пастушьего рожка» [1, т. 6, с. 53], речка Опариха представляется в виде живого существа, стремящегося в объятия «батюшки Енисея». Лирическому герою кажется, что кроме «монолитной тверди тайги» и этой речки ничего более не существует в мире.

Действие главы-рассказа «Капля» связано с особым хронотопом. Да, это та же бескрайняя, величественная и невозмутимая сибирская тайга. Но повествует о ней, изображает ее красоту и величие человек, прошедший через самую разрушительную войну XX столетия. Поэтому его успокоение, умиление, тихая радость при виде ночной тайги не могут быть полными, безмятежными. Поводом для тревожных размышлений становится капля росы, повисшая на ивовом листе. Живой мир, заботящийся о продолжении своей жизни, малая грань, отделяющая мир от гибели, чистота детства (рядом с автобиографическим персонажем – его сын), чистота природы, тайги, Сибири, не испытавшей пока разрушительного человеческого вмешательства, – эти и другие символические значения закладываются Астафьевым в образ капли.

В финале главы этот образ превращается в своеобразный рефрен, становится лейтмотивным: «Капля висела над моим лицом, прозрачная и грузная» [Там же, с. 56]; «И эта капля! Что, если она обрушится наземь? Ах, если б возможно было оставить детей со спокойным сердцем, в успокоенном мире! Но капля, капля!» [Там же, с. 58]; «А капля? Я оглянулся и от серебристого крапа, невдали переходящего в сплошное сияние, зажмурил глаза. Сердце мое трепыхнулось и обмерло от радости: на каждом листке, на каждой хвоинке, травке, в венцах соцветий, на дудках дедулек, на лапках пихтарников, на необгорелыми концами высунувшихся из ковра дровяков, на одежде, на сухостоинах и на живых стволах деревьев, даже на сапогах спящих ребят мерцали, светились, играли капли, и каждая роняла крошечную блестящую свету, но, слившись вместе,

эти блестящие заливали сиянием торжествующей жизни все вокруг» [Там же, с. 60]. Между «рефренами» оказываются размышления и чувства автора-повествователя о войне, мире, природе, детях, красоте, мироздании и человеке в нем. «Вечная сказочка», успокоение и постоянная угроза гибели идиллического пространства и свойственного ему мироощущения оказываются дополнительным смысловым наполнением символического образа капли. Полисемантический образ, «мерцающая», колеблющаяся в своем значении, повторяясь, играет роль, свойственную фабуле в собственно эпическом произведении, сплавивает его различные части в структуру, напоминающую лирическое произведение (лирический рассказ, стихотворение в прозе, лирическую миниатюру). Капля принимает на себя и часть символического значения масштабной водной стихии – образа «батюшки Енисея». Семантика целого «оживает» в части этого целого. Может быть, и поэтому капля приобретает такую значительность в структуре главы.

К началу 1970-х годов Астафьев уже имел опыт создания коротких миниатюр, лирических рассказов. Астафьев «нашел» для них своё авторское название – «затеси». Чуть раньше «Царь-рыбы» у Астафьева вышла отдельная книга «Затеси» (1972). Причем в сборнике оказались как собственно короткие прозаические лирические зарисовки, миниатюры, так и довольно объёмные произведения с активно выраженным «присутствием» лирического начала («Хлебозарь», «Песнопевница», «Как лечили богиню»). Более того, в книгу «Затеси», вместившую в себя ряд лирических рассказов, Астафьев помещает рассказ «Мальчик в белой рубашке», который будет затем включен в повесть «Последний поклон». Все это позволяет говорить о близости «затесей» другим астафьевским жанрам, о еще не завершившейся в сознании и художественной практике писателя жанровой кристаллизации, дифференциации «затесей» от других родственных жанров, создававшихся в одно время с «Царь-рыбой». Характерно, что Астафьев в книгу «Затеси» включает и произведение, которое откроет первую отдельную публикацию, а затем и все издания «Царь-рыбы», – главу-рассказ «Бойе». Итак, «Царь-рыба» писалась и публиковалась в то время, когда жанры лирической прозы Астафьева были достаточно активны. Изначально писатель публикует отдельные главы «Царь-рыбы» вместе с «затесями». Это еще одно основание для утверждения о типологической жанровой близости «повествования в рассказах» с «затесями».

Основа «затесей» – коротких лирических рассказов В. Астафьева – непосредственное выражение чувств, эмоционально окрашенных мыслей, настроения автора-рассказчика, по функции своей напоминающего «лирического героя» стихотворений. Так, в затеси «И прахом своим» чувства и размышления рассказчика связаны с замеченным им необычным явлением жизни леса: елочка, уверенно растущая из середины пня «родительницы-ели». «Елочка долго и трудно будет сверлить пень корешком, пока доберется до земли. Еще несколько лет она будет в деревянной рубашке пня, расти из самого сердца того, кто, возможно, был её родителем и кто даже после смерти своей хранил и вскармливал дитя» [Там же, т. 7, с. 19]. Антропоморфизм, имеющий здесь место, неслучаен, он является главным тропом не только астафьевских миниатюр («затесей»), но и самых известных и крупных его эпических произведений, он помогает соединить родственные, по мысли писателя, стихии: жизнь природы и жизнь человека. Мысль автора возвращается к семье, детям, войне, в которой он участвовал. В результате рождается суждение Астафьева, пытающееся охватить собой всю противоречивость и его судьбы, и судьбы его современников. «Когда мне становится невыносимо больно от воспоминаний, а они не покидают, да и никогда, наверное, не покинут тех, кто прошел войну, когда снова и снова передо мной встают те, кто пал на поле боя... – я думаю о елочке, которая растет в лесу на пне» [Там же, с. 19-20]. В «Капле» мысль писателя делает примерно такой же круг: от созерцания готовой упасть капли к воспоминаниям о войне. Слитность человека с чистотой, спокойствием и величием природы становится у Астафьева своеобразным аргументом против насильственной смерти, разрушения, разного рода браконьерства.

Именно так увидеть, прочувствовать величие и гармонию тайги, природы мог только писатель, прошедший через разрушительный хаос войны. Но в свете нашей проблематики не менее интересно другое: по мнению О. В. Соболевской, «различные хронологические деформации – разъятие времени на интенсивно проживаемые мгновения, причудливые конфигурации элементарных частей бытия, ретроспективность, импрессионистичность» являются принадлежностью поэтики «лирической прозы» [9, стб. 451].

Важно и то, что организация текста главы «Капля» (как, впрочем, и главы «Нет мне ответа») в ряде эпизодов представляет собой ритмическую прозу, заключающую в себе свойственные ей, нацеленные на создание ритма и особого строя речи, инверсии: «Если мне говорят: —то свет», – я не загробье, не темноту воображаю, а эти вот мелконькие, удаленно помаргивающие звездочки». «Мудра, выросла печаль – ей миллионы лет» [1, т. 6, с. 58] – в этом случае легко выделить трехстопную ямбическую основу всей фразы, состоящей из двух стихов. Но ритмическая проза – явление, свойственное той части прозы, которая содержит в себе значительное тяготение к лирике. Это свойство прозы Гоголя, «стихотворений в прозе» И. Тургенева, прозаических произведений А. Белого, Б. Пильняка, некоторых других писателей. В этом плане и «затеси», и главы-рассказы «Царь-рыбы» имеют одинаково сильно выраженные лирические и эпические интенции.

Событийность «Капли» значима. Только путешествие в места, нетронутые «цивилизацией», могло вызвать у автора размышления о хрупкости природы и всей земной красоты. Но и сама событийность, и участие в событиях объективированных персонажей (сын автобиографического героя, Коля, Аким) оказываются своеобразным фоном для внутренних монологов-размышлений автора. Здесь «Капля» демонстрирует свое родство с лирикой. При анализе характера в лирике А. А. Торшин отмечает: «При сочетании повествования с лирическим монологом именно последний принимает на себя основную эмоционально-смысловую нагрузку. В таких произведениях объективированный герой при всей его значимости выполняет преимущественно вспомогательную функцию» [10, с. 51]. В качестве примера приведем «центральное», давнее название главе событие и

монолог автора из главы «Капля»: «На заостренном конце продолговатого ивового листа набухла, созрела продолговатая капля и, тяжелой силой налитая, замерла, боясь обрушить мир своим падением. И я замер. Так на фронте цепенел возле орудия боец» [1, т. 6, с. 56-57]. Величие, хрупкость красоты природы Сибири, страхи и ужасы человека, столкнувшегося с безобразием войны, неотвратимостью смерти, соединяются у Астафьева в структуру единого лиро-эпического повествования, родственного по принципам и приемам организации со структурой «затесей». Такие эпизоды оказываются в пограничном между лирикой и эпосом положении.

Современный эпос предпочитает прозаические формы, как современная лирика – стихотворные. В «Царь-рыбе» соседствуют, как уже отмечалось, фрагменты прозаические, по своей структуре напоминающие стихи, с собственно стихотворными вкраплениями: «И в небе чудилось осмысленное, но тоже тайное движение облаков, *а может быть, иных миров иль — ангелов крыла*?!». О стихах, помещенных в повести, Астафьев писал следующее: «В «Царь-рыбе» ведь я в основном написал все стихи сам. Они за пределами поэзии, конечно, находятся. Просто к контексту подходят», «дилетантские стихи» [7, с. 266]. Если соотнести цитированные выше «прозаические» фрагменты со «стихами» «Акимова дружка» (за ним скрывается автор-повествователь), то можно увидеть их принципиальное и детальное сходство: «В тот час, когда с землею небо говорит, / В глухую темноту, в ослепшем мраке / Огромная, похожая на ночь, вдруг встрепетнет птица / И, целясь клювом в дальнюю звезду, / Услышав звон ее, пронзенная сияньем, / Натянется струной, откликнется ответно» [1, т. 6, с. 389]. Налицо сходство и изобразительно-выразительных средств, и концептуальное: главное из непостижимого, таинственного, прекрасного, окружающего человека, заключено в природе, в ее красоте, чистоте, непостижимости, ранимости.

Наличие четко выраженной событийности, движения персонажей во времени и пространстве является одним из характерных элементов структуры эпических произведений. Событийность главы-рассказа «Капля» – приключения нелегкого таежного пути, неудачная вначале, но удачная в итоге рыбалка, ночлег в тайге – позволяет ей оставаться в рамках заданного в подзаголовке жанра рассказа, но рассказа со значительной лирической, идиллической и публицистической составляющей.

Список литературы

1. Астафьев В. П. Собр. соч.: в 15-ти т. Красноярск: Офсет, 1997-1998.
2. Гончаров П. П. «Царь-рыба» В. П. Астафьева: специфика архитектоники: учебное пособие. Мичуринск: Изд-во МГПИ, 2012. 127 с.
3. Гончаров П. П., Гончаров П. А. «Царь-рыба» В. П. Астафьева: образ Сибири как основа внутренней структуры: учебное пособие. Мичуринск: Изд-во МГПИ, 2012. 119 с.
4. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 376 с.
5. Ким М. Н. Жанры современной журналистики. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2004. 336 с.
6. Обатнина Е. Р. А. М. Ремизов: «битва под Разумником» (к вопросу об авторстве и историческом контексте одного памфлета) // Русская литература. 2013. № 3. С. 188-203.
7. Ростовцев Ю. А. Страницы из жизни Виктора Астафьева. М.: Энциклопедия сел и деревень, 2007. 480 с.
8. Русский советский рассказ. Очерки истории жанра / под ред. В. А. Ковалева. Л.: Наука, 1970. 736 с.
9. Соболевская О. В. Лирическая проза // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003. Стб. 450-451.
10. Торшин А. А. Произведение художественной литературы. Основные аспекты анализа: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. 256 с.

“BEYOND POETRY”: LYRIC AND EPIC COMPONENTS OF “THE CZAR FISH” BY V. ASTAFYEV (BY THE MATERIAL OF CHAPTER-STORY “THE DROP”)

Goncharov Pavel Petrovich, Ph. D. in Philology
Goncharov Petr Andreevich, Doctor in Philology, Professor
Michurinsk State Agrarian University
goncharovpa@yandex.ru

The article characterizes the genre specificity of a chapter-story “The Drop”, and by its means defines more exactly the features of architectonics and genre of the whole “The Czar Fish” by V. Astafyev. The chapter-story singles out publicist, idyllic, lyric and epic components, evaluates their interaction and synthesis, determines the role of poetic inclusions, uses and introduces new critical and biographical material into scientific circulation. The idea of a synthetic nature of “The Drop” genre and the whole “narrative in stories” is stated and proved.

Key words and phrases: V. P. Astafyev; “The Czar Fish”; lyrical narrative; publicism; idyll; “notch” (short miniature); synthesis of genre forms; “The Drop”; composition; architectonics.